

ЧАСТЬ II

Мы
и они

КАК МЫ НАУЧИЛИСЬ ВВЕРЯТЬ СВОЮ СУДЬБУ ДРУГ ДРУГУ

**ИСТОКИ
МОРАЛИ**

Майкл Томаселло

Если эволюция благоволит выживанию наиболее приспособленных, как люди вообще стали нравственными существами? Если в процессе эволюции каждый индивидуум стремится максимально увеличить собственную приспособленность, то как люди пришли к заключению, что они действительно должны помогать другим и быть справедливыми по отношению к ним?

Традиционно существовало два ответа на эти вопросы. Во-первых, есть смысл в том, чтобы индивиды помогали своим родичам, с которыми они разделяют общие гены. Это называется совокупной приспособленностью. Во-вторых, могут возникнуть ситуации, где действует принцип взаимности: я почешу спинку тебе, ты мне, и мы оба в конце концов извлечем выгоду.

Однако суть морали — не только в том, чтобы быть внимательным к своим родственникам, подобно тому как пчелы и муравьи взаимодействуют в процессах совокупной приспособленности. А принцип взаимности — это сомнительное предположение, потому что в любой момент один индивид может извлечь выгоду и отправиться восвояси, оставив другого в беде. Более того, ни одно из этих традиционных объяснений не затрагивает явление, в котором, несомненно, заключается сущность человеческой морали, — чувство долга, которое испытывают люди по отношению друг к другу.

Недавно на передний план вышел новый подход к рассмотрению проблемы морали. Ключевой момент — это признание того факта, что индивиды, живущие в социальной группе, где выживание и благополучие каждого члена группы зависят

от остальных, руководствуются особой логикой. Логика взаимозависимости, как мы можем ее назвать, заключается в том, что если я завишу от вас, тогда в моих интересах помогать обеспечивать ваше благополучие. Более обобщенно: если все мы зависим друг от друга, тогда мы все должны друг о друге заботиться.

Как возникла подобная ситуация? Ответ кроется в особенных условиях, заставивших людей перейти к более тесному взаимодействию, особенно при добывании пищи и других основных ресурсов.

Роль сотрудничества

Наши ближайшие ныне живущие родственники — шимпанзе и бонобо — занимаются поиском фруктов и растений маленькими группами, но когда пища обнаружена, каждая особь карабкается за едой поодиночке. Если возникает какой-то конфликт, то его разрешают исходя из принципа доминирования: побеждает лучший боец. Ближе всего к сотрудничеству при добывании пищи находится ситуация, когда несколько самцов-шимпанзе окружают и ловят небольшую обезьяну другого вида. Но такая охота больше напоминает поведение львов и волков, чем форму сотрудничества при добыче продовольствия,

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Семена человеческой морали были посеяны примерно 400 тыс. лет назад, когда индивиды начали сотрудничать во время охоты и занятий собирательством.
- В рамках кооперативного взаимодействия культивировались уважение и справедливое отношение к другим членам группы.
- Позже рост численности населения привел к укреплению чувства групповой идентичности, которое, в свою очередь, способствовало развитию системы культурных традиций и социальных норм.

характерную для людей. Каждый самец шимпанзе увеличивает собственные шансы на успех, пытаясь заблокировать один из возможных путей для бегства обезьяны-жертвы. Тот шимпанзе, который поймал жертву, попытается один съесть всю добычу, но обычно ему это не удается. Особи со всей округи собираются вокруг убитой жертвы и пытаются ухватить кусочек. Поймавшему жертву самцу ничего не остается, как позволить другим шимпанзе так себя вести, иначе ему придется с ними драться и, вероятнее всего, во время схватки потерять добычу. Таким образом, в этом случае наблюдается что-то вроде совместного разделения пищи.

Люди в течение долгого времени поступали по-другому.

Примерно 2 млн лет назад появился род *Homo* с более крупным мозгом и новыми навыками изготовления каменных орудий. Однако вскоре глобальное похолодание и засуха привели к распространению ведущих наземный образ жизни обезьян, которые конкурировали с *Homo* за разные ресурсы.

Первобытным людям требовались новые способы добычи пищи. Один из них — питание останками туш животных, убитых другими хищниками. Однако потом, по данным антрополога Мэри Стайнер (Mary C. Stiner) из Аризонского университета, некоторые первые представители человеческого рода (скорее всего, это был *Homo heidelbergensis* 400 тыс. лет назад) начали добывать пищу, активно сотрудничая друг с другом. Индивиды вырабатывали общие цели, чтобы действовать вместе во время охоты и сбора пищи. Конечно, такая кооперация имела обязательный (принудительный) характер, поскольку она была необходима для выживания. Чтобы обеспечить ежедневные потребности в пище, индивиды сразу же стали непосредственно зависеть друг от друга.

Неотъемлемая часть принудительно-сотрудничества в процессе добывания пищи — выбор напарника. Тех, кто не обладал достаточно развитыми когнитивными или другими навыками для партнерства, — неспособных вырабатывать совместные цели или эффективно общаться с другими — в напарники не выбирали, поэтому они оставались без еды. Точно так же старались избегать тех индивидов, которые, с точки зрения социума и морали, не желали сотрудничать, например тех, кто пытался прибрать к рукам всю добычу. Такие

люди тоже были обречены. Вывод: начал активно действовать строгий положительный социальный отбор умелых и целеустремленных индивидов, которые успешно взаимодействовали с другими.

Главным фактором в эволюции морали стало то, что первобытные люди, в отношении которых действовал социальный отбор посредством выбора партнера для совместной добычи пищи, начали по-иному относиться к сородичам. Прежде всего, они обладали сильной мотивацией к совместным действиям для достижения общих целей, а также к проявлению сочувствия и оказанию помощи нынешним и будущим партнерам. Если успех в добывании пищи зависел от соплеменников, тогда подобная помощь в случае необходимости имела эволюционный смысл: необходимо быть уверенным в том, что партнеры для будущих вылазок находятся в хорошей форме. Кроме того, собственное выживание индивида зависело от того, рассматривают ли его другие соплеменники в качестве компетентного компаньона, обладающего мотивацией. Таким образом, люди стали беспокоиться о том, как их оценивают другие. Как показали эксперименты в нашей лаборатории, даже маленьких детей волнует, какую оценку им дают другие люди, тогда как шимпанзе этот вопрос не беспокоит.

В связи с отсутствием исторических данных и, во многих случаях, свидетельств даже в виде ископаемых останков и артефактов, наша лаборатория в Лейпциге и другие исследователи занимаются изучением происхождения человеческого мышления и морали, сравнивая поведение наших близких родственников среди приматов и поведение маленьких детей, которым еще только предстоит ассимилировать культурные нормы.

На основе этих исследований мы предположили, что первобытные люди, занятые совместной добычей пищи, обнаружили новое обоснование для объединения усилий, которое заставило их относиться к другим как к равноправным партнерам: не просто с сочувствием, но и справедливо (с чувством, основанным на осознании, что индивид и другие люди равноценны друг другу). Партнеры поняли, что в процессе сотрудничества они могут взять на себя любую роль и что им обоим требуется действовать сообща, чтобы добиться совместного успеха. Более того, когда два человека неоднократно действовали совместно во время добычи пищи, у них

Эволюция морали человека современного типа

Животные часто кооперируются с другими представителями собственного вида. Но люди объединяются по-иному. Человеческая форма кооперации — известная просто как мораль — отличается двумя взаимосвязанными особенностями. Один может помогать другому, руководствуясь неэгоистичными мотивами, ведомый состраданием, беспокойством и добротой. Кроме того, члены группы могут для обеспечения общей пользы устанавливать нормы, поощряющие честность, беспристрастность и справедливость. Эти способности развивались в течение сотен тысяч лет, когда люди начали действовать совместно, чтобы выжить. В когнитивных и социальных аспектах этого процесса можно разобраться с помощью философской концепции интенциональности: как индивиды воспринимают мир и достигают собственных целей.

Индивидуальная интенциональность

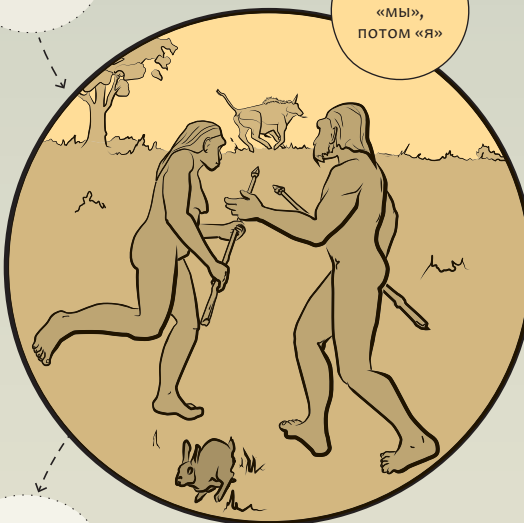
Индивидуальная интенциональность характеризуется способностью гибко менять поведение для достижения конкретной цели — обычно в рамках конкуренции с другими. Такая эгоистическая позиция в значительной степени определяет поведение шимпанзе, так же как давно в прошлом обуславливала поведение общего предка шимпанзе и человека и, вероятно, служила мотивом для первых представителей гомининов. Примеры такого поведения наблюдаются у шимпанзе при добыче растительной пищи. Небольшая группа животных ищет еду совместно, но как только фрукты найдены, каждый шимпанзе поодиночке уносит свою добычу в укромное место и съедает, не взаимодействуя с другими членами группы. Сходное, сравнительно эгоцентричное поведение проявляется у шимпанзе во время охоты на жертву.

6 млн лет назад

Совместная добыча пищи

Сначала «мы», потом «я»

400 тыс. лет назад

Совместная интенциональность

Примерно 400 тыс. лет назад прямой предок современного человека — *Homo heidelbergensis* — занялся поиском новых источников пищи. Охота на туров или другая большая охота в отличие от ловли зайцев требовала усиленной кооперации, совместной интенциональности, сконцентрированности на достижении общих целей. Подобный тип совместной деятельности отличается от поведения шимпанзе «каждый сам за себя» во время охоты на мелких обезьян. Чтобы палеолитические охотники-собиратели жили, способ их действий при добыче пищи был не просто вопросом благоразумия, а «обязательным». Индивидов, принимавших участие в охоте, выбирали, потому что они полностью осознавали необходимость кооперации и не присваивали добычу. Появилась «мораль с точки зрения второго лица»: стало понятно, что «я» должно подчиняться «мы».

Давление, приводящее к формированию культуры

Мораль «правильного» и «неправильного»

100 тыс. лет назад

Коллективная интенциональность

Когда 150 тыс. лет назад размер групп начал увеличиваться, более мелкие подгруппы, из которых состояло племя, сформировали комплекс обычаев, представляющих формальное начало человеческой культуры. Совокупность норм, обычаев и ритуалов создавалась, чтобы выработать групповые цели и установить разделение труда, которое определяло роль каждого члена группы, — коллективная интенциональность, отличавшая племя. Эти цели каждый член племени усваивал как «объективную мораль», благодаря которой каждый знал разницу между «правильным» и «неправильным», определявшимися комплексом обычаев культурной группы.

ОБ АВТОРЕ

Майкл Томаселло (Michael Tomasello) — профессор психологии и нейробиологии в Дюкском университете и почетный директор Института эволюционной антропологии Общества Макса Планка в Лейпциге.

сформировалось представление — ментальная «общность взглядов» — об идеальном способе, которым каждый партнер должен исполнять свою роль для достижения поставленных целей. Подобные ролевоспецифичные стандарты сформировали ожидания: что каждый из напарников должен делать. Например, во время охоты на антилоп загонщик должен выполнять действие X, а вооруженный копьём — Y. Такие идеализированные нормы имели объективный характер, поскольку они конкретизировали, что каждый партнер должен делать, чтобы исполнить роль «должным образом», способом, обеспечивающим достижение совместных целей. В действительности роли — для каждой из которых существовали общеизвестные и объективные правила — были равноценны. Как таковой любой из партнеров — участников охоты в равной степени заслуживал получить добычу в отличие от мошенников и любителей поживиться за чужой счет, которые никак не помогли.

Выбирая компаньона для совместных действий, первобытные люди хотели избрать того, кто играл бы ожидаемую роль и справедливо делил добычу. Чтобы снизить риск, присущий выбору напарника, люди, которые вот-вот должны были стать компаньонами, могли воспользоваться новообретенными навыками кооперации для выработки совместных обязательств, обещая действовать в соответствии со своими ролями, в том числе справедливо разделить добычу. Будущие партнеры могли неявно подразумевать, что нарушивший это обязательство будет заслуживать порицания. (Далее объясняется эволюция морали в рамках философской концепции интенциональности.)

Тот, кто отступал от ожидаемой роли и желал сохранить свое положение надежного партнера, добровольно стал участвовать в акте самоосуждения — стал испытывать чувство вины. Появилась мораль «мы» важнее, чем «я». В процессе сотрудничества объединенное «мы» действовало за рамками эгоистического индивидуального уровня и регулировало поступки сотрудничающих партнеров «я» и «ты».

Результатом адаптаций к облигатному кооперативному добыванию пищи стала межличностная мораль, или «мораль с точки зрения второго лица» — стремление относиться к другим с чувством уважения и справедливости, основанным на искренней оценке себя и других как равноправных партнеров в совместной деятельности. Такое чувство справедливости усиливалось за счет чувства долга, социального давления, обязывающего кооперироваться и уважать партнера. Таким образом, в то время как все приматы ощущают давление, заставляющее их добиваться индивидуальных целей способами, которые, как они полагают, будут успешными, взаимозависимость, определявшая социальную жизнь первых людей, означала, что индивиды испытывали давление, которое ставило их перед необходимостью относиться к другим так, как они того заслуживают, и ожидать, что другие будут относиться так же и к ним. Подобная «мораль с точки зрения второго лица» не обладала всеми определяющими атрибутами морали человека современного типа, но в зарождающейся форме в ней уже присутствовали самые важные элементы — взаимное уважение и справедливость.

Рождение культурных норм

Второй критический этап в эволюции человеческой морали наступил, когда мелкомасштабное сотрудничество первых людей в процессе добывания пищи в конце концов было нарушено двумя демографическими факторами, приведшими к появлению человека современного типа более 200 тыс. лет назад. Новая эра началась из-за конкуренции среди групп людей. Борьба означала, что свободно организованные популяции сотрудничающих людей должны были превратиться в более тесно связанные социальные группы, чтобы защищаться от внешних врагов. В каждой из таких групп сложилось внутренне разделение труда, которое привело к формированию коллективной идентичности группы.

В этот же период росла численность населения. С увеличением численности в таких расширяющихся племенных группах более крупные образования разделились на более

мелкие подгруппы, которые все еще ощущали связь с супергруппой — или с тем, что можно охарактеризовать как особую «культуру». Стало необходимо найти способы распознавать членов собственной культурной группы, не обязательно принадлежащих к роду, и отличать их от членов других племенных групп. Такое распознавание было необходимо, потому что только на членов собственной культурной группы можно было рассчитывать в том, что они обладают необходимыми умениями и разделяют те же ценности, то есть могут быть надежными партнерами, в частности для защиты группы. Зависимость индивидов от группы, таким образом, вела к формированию чувства коллективной идентичности и верности. Неспособность же проявлять такую групповую идентичность и верность могла привести к изгнанию или смерти во время схватки с соперниками.

Современные люди обозначают групповую идентичность множеством разных способов, но первоначально эти способы в основном были связаны с поведением и основывались на ряде допущений: люди, которые говорят как я, готовят пищу как я и разделяют мои культурные обычаи в других отношениях, — скорее всего, члены моей культурной группы. Из таких предположений появилось стремление людей современного типа соблюдать обычаи группы. Научить детей действовать традиционным способом, определенным группой, стало необходимо для выживания.

Обучение и подчинение нормам также заложило основы для кумулятивной культурной эволюции: долго существовавшие обычаи или артефакты улучшались, и такие нововведения затем передавались новым поколениям как часть групповых обычаев, норм и ритуалов. Людям, родившимся в такой среде, не оставалось ничего иного, нежели подчиняться этим совместно выработанным нормам. Ключевой психологической характеристикой индивидов, адаптированных к культурной жизни, была заинтересованность в группе, то есть люди принимали когнитивную перспективу группы в целом, чтобы заботиться о благополучии группы и подчиняться ее правилам. Такой вывод был сделан на основе результатов исследований поведения трехлетних детей, опубликованных в конце 2000-х гг.

Индивиды, принадлежащие к культурной группе, должны были подчиняться господствующим обычаям и социальным

нормам, чтобы подчеркнуть, что они отождествляют себя с группой и ее методами действий. Некоторые социальные нормы касались не только подчинения и групповой идентичности. Они касались чувств сострадания и справедливости (унаследованных от первых людей), которые стали моральными нормами. Таким образом, так же как некоторые нормы систематизировали правильные и неправильные способы охоты или изготовления орудий, моральные нормы определяли надлежащий способ отношения к другим людям. Поскольку коллективные цели групп и общая культурная основа человеческих групп сформировали «объективную» точку зрения — «не "я", но "мы" как люди» — мораль людей современного типа стала считаться объективной формой правильного и неправильного.

Конечно, любой человек мог решиться действовать вопреки моральным нормам. Однако когда его призывали к ответу другие члены группы, выбор был невелик: индивид мог игнорировать критику и осуждение и, таким образом, поставить себя вне общих культурных обычаев и ценностей, что, возможно, приводило к исключению из группы. Люди современного типа рассматривали культурные нормы как законное средство, с помощью которого они могли регулировать свои порывы и поведение и продемонстрировать чувство групповой идентичности. Если человек отступал от групповых социальных норм, то было необходимо объяснить другим такое отсутствие сотрудничества в терминах общих ценностей группы («Я пренебрег своими обязанностями, потому что должен был спасти ребенка, попавшего в беду»). Таким образом, люди современного типа усвоили представления не только о моральных поступках, но и о моральных оправданиях и сформировали разумно обоснованную моральную идентичность внутри сообщества.

Мы, люди

В своей книге «Естественная история человеческой морали» (*A Natural History of Human Morality*), вышедшей в 2016 г., я исхожу из предположения, что психология человеческой морали в основном объясняется процессом эволюции посредством естественного отбора. Что еще важнее, отбор производился не физической средой, а, наоборот, социальной. В отличие от эволюционных подходов, базирующихся на принципе взаимности и управления репутацией человека в обществе, я подчеркиваю, что

древние люди понимали: моральные нормы превращают их одновременно и в судей, и в подсудимых. Насущной проблемой каждой личности было не просто «что "они" думают обо мне», а что «"мы", включая "я", думаем обо мне». Такой подход — это своего рода тип психологической направленности «"мы" — более важно, чем "я"», которая придает представлениям о морали особую роль закона в принятии персональных решений.

Проблемы современного мира проистекают из осознания, что биологические адаптации человека к кооперации и морали в основном ориентированы на существование в небольших или внутренне однородных культурных группах — таких, где чужаки не выступают частью морального сообщества. С тех пор как появилось земледелие, примерно 10 тыс. лет назад, сообщества людей стали состоять из отдельных личностей с разными политическими, этническими и религиозными принципами.

Как следствие, становится не совсем ясно, кто относится к «мы», а кто — чужак. В конечном итоге наличие поводов

для разногласий приводит как к социальной напряженности внутри общества, так и, на уровне стран, к открытой войне — ярчайший пример конфликтов «своих» и «чужих». Но чтобы решить самые крупные проблемы, стоящие перед нашим видом, которые представляют одинаковую угрозу для любого общества, нам лучше быть готовыми считать, что «мы» — это все человечество. ■

Перевод: С.М. Левензон

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Cooperative Hunting and Meat Sharing 400–200 Kya at Qesem Cave, Israel. Mary C. Stiner et al. in Proceedings of the National Academy of Sciences USA, Vol. 106, No. 32, pages 13,207–13,212; August 11, 2009.
- Why We Cooperate. Michael Tomasello et al. Boston Review Books, 2009.
- Young Children Enforce Social Norms. Marco F.H. Schmidt et al. in Current Directions in Psychological Science, Vol. 21, No. 4, pages 232–236; July 25, 2012.
- A Natural History of Human Morality. Michael Tomasello. Harvard University Press, 2016.

Познавательный журнал для хороших людей

НАУКА

из первых рук www.scfh.ru

3 Специальный выпуск 3 • 2018

№ 3 в серии «Первые руки»

- НОВОСИБИРСКИЙ - ИЛИМСКИЙ - ЗАПАДНО-СИБИРСКИЙ
- РАСКОПКИ В ЧИСТОЙ ЗОНЕ
- СТРАНСТВУЮЩИЙ РЫЦАРЬ
- «ГОРОД И ПСЬ»: КИТАЙСКИЙ ВАРИАНТ

Археологи — народ бродячий...

Выходит 6 раз в год

Познавательный журнал для хороших людей

В. И. Молодин: «Главную роль в становлении профессиональных интересов любого ученого играет учитель. Для меня таким человеком стал академик А. П. Окладников»

А. И. Соловьев:

«...Археология как наука, неотъемлемой частью которой являются экспедиции, стала, без обиняков, настоящей жизнью нашего Шефа»

«...Весь его облик говорил о личности, безусловно, волевой, целеустремленной и в то же время азартной и увлекающейся»

«...Ушел в свой поход по жизни первый состав отряда, команда менялась, но в ней по-прежнему витал дух удивительного времени того самого, незабвенного Илимского отряда»

www.scfh.ru